

Отец Браун

Гилберт Честертон
Зеленый человек

«ЭКСМО»

1935

Честертон Г. К.

Зеленый человек / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1935 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43821-7

«Молодой человек в бриджах, с жизнерадостным и энергичным выражением лица играл в гольф сам с собой на поле, которое было расположено параллельно песчаному пляжу и морю, отливавшему серым в вечерних сумерках. Он не просто гонял мячик как попало, а практиковал отдельные удары с сосредоточенной яростью, словно маленький и аккуратный вихрь. Он быстро выучил много игр, но утрачивал интерес к ним немного быстрее, чем усваивал правила. Его губила склонность к замечательным предложениям, благодаря которым человек может научиться играть на скрипке за шесть уроков или приобрести безупречное французское произношение на заочных курсах. Он жил в разреженной атмосфере заманчивой рекламы и радужных надежд. В настоящее время молодой человек был личным секретарем адмирала Майкла Крейвена, владельца большого дома за парком, граничившим с полем для гольфа. Будучи честолюбивым, он не собирался до бесконечности оставаться личным секретарем у кого бы то ни было. Но он был достаточно рассудителен, чтобы знать, что лучший способ избавиться от секретарской работы — быть отличным секретарем. Соответственно, он был очень хорошим секретарем и разбирался с постоянно накапливавшимися завалами корреспонденции адмирала с таким же сосредоточенным усердием, с каким подходил к мячу для гольфа. Сейчас ему приходилось иметь дело только с корреспонденцией, и он был волен поступать по собственному усмотрению, потому что последние полгода адмирал находился в плавании, и, хотя теперь он возвращался домой, его не ждали в ближайшие часы, а возможно, и дни...»

ISBN 978-5-457-43821-7

© Честертон Г. К., 1935

© Эксмо, 1935

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Кийт Честертон

Зеленый человек

Молодой человек в бриджах, с жизнерадостным и энергичным выражением лица играл в гольф сам с собой на поле, которое было расположено параллельно песчаному пляжу и морю, отливавшему серым в вечерних сумерках. Он не просто гонял мячик как попало, а практиковал отдельные удары с сосредоточенной яростью, словно маленький и аккуратный вихрь. Он быстро выучил много игр, но утрачивал интерес к ним немного быстрее, чем усваивал правила. Его губила склонность к замечательным предложениям, благодаря которым человек может научиться играть на скрипке за шесть уроков или приобрести безупречное французское произношение на заочных курсах. Он жил в разреженной атмосфере заманчивой рекламы и радужных надежд. В настоящее время молодой человек был личным секретарем адмирала Майкла Крейвена, владельца большого дома за парком, граничившим с полем для гольфа. Будучи честолюбивым, он не собирался до бесконечности оставаться личным секретарем у кого бы то ни было. Но он был достаточно рассудителен, чтобы знать, что лучший способ избавиться от секретарской работы – быть отличным секретарем. Соответственно, он был очень хорошим секретарем и разбирался с постоянно накапливавшимися завалами корреспонденции адмирала с таким же сосредоточенным усердием, с каким подходил к мячу для гольфа. Сейчас ему приходилось иметь дело только с корреспонденцией, и он был волен поступать по собственному усмотрению, потому что последние полгода адмирал находился в плавании, и, хотя теперь он возвращался домой, его не ждали в ближайшие часы, а возможно, и дни.

Широкой спортивной походкой молодой человек, которого звали Хэролдом Харкером, преодолел гребень зеленого дерна, ограничивавший поле для гольфа, и, посмотрев на море через пески, увидел странное зрелище. Оно было нечетким, потому что небо, затянутое грозовыми облаками, темнело с каждой минутой, но на мгновение ему словно пригрезился сон из давно ушедших дней или драма, разыгрываемая призраками из другой исторической эпохи.

Последние лучи заката тянулись медными и золотыми полосами над темной полоской моря, которое казалось скорее черным, а не синим. Но еще темнее на фоне западного сияния, словно фигуры в театре теней, проступали резкие контуры двух мужчин со шпагами и в треуголках, как будто только что высадившихся на берег с одного из деревянных кораблей Нельсона. Это не было такой галлюцинацией, которая могла бы привидеться мистеру Харкеру, даже если бы он был подвержен галлюцинациям. Он принадлежал к сангвиническому типу людей с научным складом ума и с гораздо большей вероятностью вообразил бы летающие корабли будущего, а не боевые корабли прошлого. Поэтому он пришел к вполне разумному выводу, что даже футурист может поверить своим глазам.

Иллюзия длилась не более мгновения. То, что он увидел со второго взгляда, было необычным, но не фантастическим. Два человека, шагавшие по песку на расстоянии примерно пятнадцати ярдов друг от друга, были обычными современными морскими офицерами, но одетыми в почти экстравагантную парадную форму, которую офицеры по возможности стараются не надевать, за исключением больших праздников и визитов особ королевского рода. В человеке, идущем впереди, который не проявлял никакого интереса к своему спутнику, Харкер сразу же узнал своего работодателя: адмирал имел нос с высокой горбинкой и носил бородку клинышком. Человека, идущего позади, он не знал, зато понимал кое-что в обстоятельствах, связанных с парадной формой. Ему было известно, что, когда корабль адмирала стоит в соседнем порту, его посещает с официальным визитом некая высочайшая особа. Это объясняло их наряд. Но Харкер также был знаком с офицерскими

обычаями и с поведением адмирала. Что могло заставить адмирала сойти на берег при полном параде, когда ему хватило бы пяти минут, чтобы переодеться в гражданскую одежду или хотя бы в обычную форму, – это ускользало от понимания секретаря. Такое обстоятельство выглядело крайне маловероятным и в течение многих недель оставалось одной из главных тайн этой таинственной истории. Зрелище этих пышных придворных регалий на пустынной сцене, разделенной между темным морем и песком, имело нечто общее с комической оперой.

Второй мужчина выглядел еще более необычно, несмотря на безупречную форму лейтенанта, и отличался еще более необычным поведением. Его походка была странно тяжелой и неровной; он то замедлял, то ускорял шаг, словно никак не мог решить, стоит обогнать адмирала или нет. Адмирал был глуховат и определенно не слышал шагов по мягкому песку у себя за спиной, но если бы кто-нибудь изучил эти отпечатки ног на манер сыщика, то мог бы выдвинуть двадцать предположений, от хромоты до танца. Смуглое лицо мужчины скрывалось в тени, но глаза то и дело стреляли по сторонам и поблескивали, выдавая его волнение. Один раз он пустился бегом, но быстро перешел на медленную и бесшабашную походку вразвалочку. Потом он, с точки зрения Харкера, совершил нечто немыслимое для любого офицера военно-морского флота его величества, оказался он даже в клинике для буйнопомешанных. Он обнажил шпагу.

В этот удивительный момент на грани чуда обе идущие фигуры исчезли за мысом на берегу. Изумленный секретарь лишь успел заметить, как смуглый незнакомец небрежным движением срубил головку прибрежного остролиста своим блестящим клинком. Казалось, он совершенно отказался от намерения догнать другого человека, но на лице Хэролда Харкера отразилось тяжкое раздумье. Некоторое время он стоял, размышляя, а потом зашагал прочь от берега к дороге, проходившей мимо ворот особняка и приближавшейся к морю по длинной кривой.

Именно по этому изгибу дороги и должен был прийти адмирал, принимая во внимание направление, в котором он шел, и исходя из естественного предположения, что он возвращается домой. Путь вдоль песков, ниже поля для гольфа, поворачивал в сторону от моря прямо за мысом, превращался в дорогу и вел к воротам Крейвен-Хаус. Туда со свойственной ему порывистостью и устремился секретарь в надежде встретить своего патрона, идущего домой. Но адмирал, по всей видимости, не собирался домой. Как ни странно, секретарь тоже объявился в доме лишь много часов спустя, и эта долгая задержка породила немалую тревогу и растерянность в Крейвен-Хаус.

За колоннами и пальмами этого чересчур величественного загородного дома ожидание постепенно сменялось беспокойством. Дворецкий Грайс, крупный мрачный мужчина, необычно молчаливый в общении как с господами, так и со слугами, выказывал признаки обеспокоенности, расхаживая по обширному холлу и поглядывая на окна со стороны парадного, выходившие на белую дорогу к морю. Сестра адмирала Мэрион, присматривавшая за домом в его отсутствие, сочетала орлиный нос своего брата с более чванливым выражением лица; она была разговорчивой и выражала свои мысли довольно бессвязно, хотя и не без юмора, а в минуты волнения ее голос становился пронзительным, как у попугая какаду. Дочь адмирала Олив была смуглой мечтательной девушкой, немного рассеянной, молчаливой и меланхоличной, поэтому разговор в основном вела тетя, что ее вполне устраивало. Однако Олив умела внезапно и заразительно смеяться.

– Ума не приложу, почему они еще не здесь, – заговорила старшая дама. – Почтальон видел, как адмирал идет по берегу вместе с этим ужасным Руком. И почему только его называют лейтенантом Руком?

– Наверное, потому, что он и есть лейтенант, – предположила меланхоличная молодая дама, оживившись на мгновение.

– Не понимаю, почему адмирал держит его при себе, – фыркнула ее тетя, словно речь шла о домашней прислуге. Она очень гордилась своим братом и всегда называла его адмиралом, но ее представления о распределении полномочий между флотскими офицерами были, мягко говоря, неточными.

– Да, Роджер хмурый и необщительный, но это, конечно, не мешает ему быть хорошим моряком, – сказала Олив.

– Моряком! – воскликнула ее тетя, издав одну из своих пронзительных попугайских нот. – По-моему, он не похож на моряка. «Полюбила моряка красotka», как пели в годы моей юности... Только подумать об этом! Моряк должен быть веселым, свободным и бесшабашным. А этот не поет моряцких песен и не танцует хорнпайп¹.

– Вообще-то адмирал тоже нечасто танцует хорнпайп, – заметила девушка.

– Полно, ты понимаешь, что я имею в виду, – парировала пожилая дама. – В нем нет ни бодрости, ни живости – ничего. Даже из этого паренька, секретаря, получился бы лучший моряк.

Трагическое выражение лица Олив преобразилось вместе с ручейком приятного и мелодичного смеха.

– Уверена, мистер Харкер станцует для вас хорнпайп, – сказала она, – и еще заявит, что выучил танец за полчаса по книжному руководству. Он всегда так учится.

Внезапно она перестала смеяться, посмотрела на напряженное лицо своей тетушки.

– Мистер Харкер тоже почему-то не приходит, – добавила она.

– Мне нет дела до мистера Харкера, – ответила тетя, встала и выглянула в окно.

Желтоватый вечерний свет уже давно сменился серым и теперь начал белеть от луны, восходящей над обширным и плоским прибрежным ландшафтом, где взгляд не останавливался ни на чем, кроме рощицы искривленных ветрами деревьев вокруг пруда и длинного, темного силуэта таверны «Зеленый человек», стоявшей на берегу. Повсюду, включая дорогу, не было заметно ни единого живого существа. Никто не видел ни человека в треуголке, раньше прошедшего вдоль берега, ни другую странную фигуру, следовавшую за ним. Никто не видел и секретаря, наблюдавшего эту картину.

¹ Английский матросский танец. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.